

УДК 94(47)

doi: 10.18101/2305-753X-2018-1-28-34

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ У БУРЯТ И МОНГОЛОВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН И В ПЕРИОД МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

© Шагдурова Ирина Никитична

кандидат исторических наук, доцент

кафедры Истории Бурятии,

Бурятский государственный университет

E-mail: shagdurova_irina@mail.ru

В данной статье автор рассматривает проблему общественно-политического развития монгольских народов через призму развития общественно-политической терминологии. С древнейших времен у монгольских народов начала складываться своя самобытная общественно-политическая терминология, которая в период Монгольского государства получила особенно быстрое развитие. Общественно-политическая терминология монгольских народов обладает достаточной полнотой отражения всех сторон общественно-политического развития монгольских народов. В ней присутствуют термины, отражающие все стороны социальной жизни, политико-правового уклада, административного и военного устройства. Автор выделяет в статье этапы развития Монгольского государства и отмечает, что каждому этапу соответствовала своя общественно-политическая терминология. В статье также отмечены заимствования из китайской общественно-политической терминологии и подчеркнута огромное влияние Китая на процесс общественно-политического развития Монгольского государства. В конце статьи автор приходит к выводу о том, что развитие общественно-политической терминологии монгольских народов является огромным вкладом в развитие монгольской культуры и кочевой цивилизации в целом.

Ключевые слова: Монгольское государство, буряты, государство Чингисхана, Китай.

У бурят и монголов с древнейших времен сформировались свои собственные общественно-политические термины, по которым можно определить историю их общественно-политического развития. В языке народа отражается его история. Бурятская пословица гласит: «Хун ахатай — дыгыл дзахатай», что в переводе означает: «У людей — начальник, у платья — воротник». Термин «ахай» имеет два значения: первое — это старший, как правило, старший брат, старший в роду, второй смысл этого термина имеет уже общественно-политическое значение и означает начальник, предводитель, глава. Данный термин четко отражает общественное развитие периода родового строя. Этот термин свидетельствует о том, что бурятам с глубокой древности было известно понятие власти. М. Н. Хангалов, известный бурятский этнограф, утверждает, что у бурят в древнейший период была эпоха зэгэтэ-аба. Данный термин обозначает коллективную охоту у бурят. Хангалов писал: «Зэгэтэ-аба для удобства приходится разделить на три периода: первый период — первобытная зэгэтэ-аба, о которой не сохранилось преданий; второй период — когда начальниками зэгэтэ-аба сделались шаманы, которые захватили в свои руки власть над зэгэтэ-облашниками, и когда зэгэтэ-аба дошла до высшего развития; третий период —

падение зэгэтэ-аба, правильнее, падение шаманов-начальников зэгэтэ-аба; в этот период шаманы-начальники потеряли власть и сделались простыми шаманами» [1]. Из изложенного видно, что эпоха зэгэтэ-аба была достаточно длительным периодом в историческом развитии бурят, переживала эволюционное развитие и эта эпоха уже содержала множество терминов обозначающих общественные отношения бурят. Зэгэтэ-аба возглавлял шаман — «галши», который одновременно являлся и верховным жрецом, и полководцем, и руководителем облавы, и лекарем, и ходатаем перед божествами, фактически это был верховный правитель. В его ведении был «хан». Последний термин обозначает казну, где хранилось общественное имущество. Также в ведении «галши» находилось «уленши» — это женская мастерская в которой выдвельвались кожи, шились одежды, обувь для всех охотников. «Галши» имел свиту из барлаков, т. е. рабов. Один высший шаман служил в должности «тобши», что означает — центровой. В его функции входило соединять правое и левое крыло облавы. Крылья возглавляли два «газарши», т. е. руководители крыльев охотничьей облавы. После «галши» имел большое общественное значение «ягша онгон», который был консультантом, учителем облавщиков. Следующая должность в обществе охотников — облавщиков — это «минаши». Данный термин дословно переводится, как обладающий кнутом. Минаши мог наказывать людей нерадивых кнутом, помогая руководителям организовать охоту [2]. Также к древнейшему периоду относятся термины «нойон», «айл». Первый термин у монголов и бурят обозначает такие понятия, как глава, предводитель, чиновник; глава рода или клана. Вторым обозначает общину семей собственников скота, ведущих совместное кочевое или полукочевое хозяйство. В древний период у бурят и сибирских народов сформировался термин «кыштым», обозначающий вассальные, зависимые отношения, кыштымы обязаны были платить дань. Кыштымами бурят являлись малые палеоазиатские сибирские племена арины, коты и другие.

Основные общественно-политические термины у бурят и монголов сформировались, конечно же, в период Монгольского государства. В этот период появились специальные уже чисто политические термины. Образованию Монгольского государства предшествовал период, о котором Л. Н. Гумилев пишет: «Среди степняков уже к концу XI в. стало заметно появление людей с нетрадиционным поведением... и назывались они — «люди длинной воли» [3]. Появление этих людей свидетельствовало о том, что в монгольском обществе идет процесс брожения внутренних сил, направленных на поиск путей его развития. Им нужен был вождь, способный повести их за собой. И такой вождь появился в лице Чингисхана. Благодаря Чингисхану монгольские народы обозначили себя в мировой истории и обязаны ему развитием собственной общественно-политической терминологии, которая является отражением развития их культуры в целом.

Чингисхан в 1189 г. объединил монгольские племена в единое государство и тем самым дал первый мощный рывок в их общественно-политическом развитии, что привело к появлению множества соответствующих терминов. Тогда же он создает свой первый административный аппарат. Так, были назначены четверо «хорчи» — это люди в обязанность которых входило «носить лук и стрелы», трое «баурчи» — «кравчих», по одному «черби», которые ведали отарами, кибитками, прислужгой, двое «актачи» — конюших, трое смотрителей табунов и

четверо разведчиков [4]. Такой весьма скромный административный аппарат вполне обеспечивал существование первоначального государства Чингисхана.

В государстве Чингисхана большую роль играл «Курултай (хуралдан, хурал)» — собрание народа, схожее с древнерусским вече. Весной 1204 г. в местности Темен-кеере Чингисхан собрал Курултай, на котором объявил о преобразованиях в армии. В государстве создавался военно-административный аппарат управления. При проведении административной реформы он использовал традиционную для кочевников Центральной Азии десятичную систему управления, деление государства на три части: «правое» крыло (барунгар), «левое» крыло (джунгар) и центр (кель). Еще задолго до Чингисхана в степях Центральной Азии существовала десятичная система управления, деление кочевых государств на крылья и центр. В эпоху современную Чингисхану подобным образом была организована чжурчженская армия Алтан-хана. И, как предполагает Ф. Ф. Мухаметов, Чингисхан видимо взял за образец их принцип для разработки структуры своего войска [5]. В связи с этим некоторые исследователи говорят о том, что Чингисхан не внес ничего нового в традиционную политическую систему Центральной Азии. Об этом утверждает, в частности, В. В. Трепавлов. Но, на деле Чингисхан внес в нее много дополнений. Во-первых, он создал кешиг — это десяти тысячная гвардия, создал отряд кебтеулов (около 2000 человек) — личная охрана. Создание гвардии надежно обеспечивало власть хана от любых посягательств на нее, способствовало укреплению дисциплины. Гвардия выполняла полицейские функции в государстве [6]. Кебтеулы представляли собой особое подразделение с более выраженными охранными функциями. Они несли охрану хана и его ставки, хранение знамен, барабанов, всего имущества хана, поддерживали порядок. В процессе формирования новой армии Чингисхан отказался от старого принципа родовых ополчений. Отныне воинские подразделения формировались из разных племен. Так, например, современное южномонгольское племя ордосов относится к так называемым «новым племенам», которые возникли в процессе образования монгольского государства, также как кешигтэны и торгуты. Кешигтэны были гвардией и телохранителями Чингисхана, а торгуты — специальной дневной охраной. Ордосы, кешигтэны и торгуты состояли из особенно надежных «членов различных племен и их семей, которые с течением времени срослись в новые объединения» [7]. Это приводило к ускоренному нивелированию племенных различий и складыванию единого монгольского народа и государства. Под страхом смерти воинам не разрешалось переходить в другие подразделения.

В 1204 г. Чингисхан создал государственную канцелярию после пленения уйгура Тататунга, который становится бичэгэчжи — секретарь, писарь, но фактически его функции были гораздо шире. Был создан новый административный аппарат. Была введена новая должность улсын ван, соответствующая современному посту премьер-министра. По утверждению монгольского ученого Ням-Осора Чингисхан возложил ее на Мохулая из Жалайра, которому были поручены все вопросы внутригосударственного управления. Ням-Осор утверждает, что по желанию Чингисхана Мунх-Халза, сын Хуйлдара, напутствовал Мохулая следующими словами:

- не воспылай званием «хуй»,
- не возгордись званием «ван»,
- не кичись званием «чинсан»,
- не превозноси звание «тайша»,
- не пьяней от премиальных,
- не злоупотребляй вином,
- не жалей сил никогда [8].

Из этого напутствия виден перечень важных титулов и должностей в государстве. Значение первого титула нами не установлено. Титул «Ван» означает «правитель» и многими комментаторами трактуется, как Небо, Земля и Люди, соединяемые правителем. В «правителе» сосредоточились все элементы государства: Небо — верховное божество-покровитель, Земля — территория, Люди — население данной территории. Эти титулы переняты от китайцев. Некоторые нойоны еще до образования Монгольского государства обращались к китайскому императору за инвеститурой и получали китайские титулы, такие как «Ван», которое в китайской титулатуре означает «царь». По поводу титула «тайша» («тайджи») существует несколько мнений. Данный титул тоже имеет китайское происхождение и означает по утверждению Г. В. Вернадского «герцог» [9]. По П. Пельо этот титул означает: «... смысл которого однако, начиная с монгольской эпохи был доведен до значения «принц крови» и который, в конечном счете стал эквивалентом «знатного владельца удела»...» [10]. Исследователь Ц. П. Ванчикова утверждает, что титул «тайша» происходит от китайского «Тай-ши», который переводится как «великий учитель, наставник» — один из административных институтов, образованных при Чингисхане. Носители этого титула являлись высшими придворными чиновниками [11]. Позже «Тайджи (тайша)» стал обозначать монгольский княжеский титул потомков рода Чингисхана, а в XVII–XVIII вв. этот титул могли носить уже простые владетельные князья, не являвшиеся Чингисидами. Титул «тайша» существовал у бурят в период присоединения к Российскому государству и сохранялся практически до начала XX в.

«Дзайсан» от китайского цзай-сян или чинсан — «великий министр», почетный титул, употребляемый главным образом среди западных монголов (ойратов) для главы племени; эквивалент «тайджи». В самой Монголии этот термин употреблялся для обозначения главы или вождя племени или группы людей, находящихся в ведомстве хутукты. Во времена Юаньской династии существовала должность дзайсана восьми внутренних дворцов, который занимался редактированием ханских указов и регулировал визиты к хану. У бурят этот титул назывался «зайсан», и тоже означал правитель рода, племени, позже перешел к алтайцам, тувинцам, енисейским кыргызам. Этот титул имел также большее значение у западных бурят, что еще раз подчеркивает их большую близость с ойратами.

В 1206 г. на Курултае было объявлено об образовании Великой Монгольской империи (Их Монгол Улс). Термин «Улс (улус)» имеет чисто политическое значение и означает государство. На этом же Курултае был принят «Их Засаг» («Великая Яса») — первый общемонгольский свод законов. Термин «Яса» означает закон, но этот термин в общественном сознании монголов имел, по видимому, еще и сакральное значение. «Великая Яса» исследована В. А. Рязновским, Г. В. Вернадским, Эренженом Хара-Даваном и другими. Г. В. Вернад-

ский утверждает: «С моей точки зрения, Яса как целое ни в коем случае не может быть охарактеризована, как обычное законодательство. Она была монгольским императорским законом, сформулированным Чингисханом. ... Как, по мнению Джувейни, так и по мнению Макризи, Яса была талисманом, обеспечивающим победу на поле сражения. Как указывает А. Н. Поляк, монголы и тюрки прописывали Великой Ясе полумагическую силу» [12].

После образования государства родственникам Чингисхана были розданы в управление «хуби», термин обозначающий долю, удел. Хуби получили также и заслуженные нукеры. Термин «хуби» существовал у монголов и бурят еще со времен первобытнообщинного периода, времени зэгэтэ — аба, когда охотники делили добычу и каждому полагалась его «хуби».

Чингисхан ввел институт «дархатства» — это была награда за особые заслуги перед великим ханом и государством и, которая освобождала людей от наказаний на девять поколений вперед.

В Монгольском государстве были созданы «ямы». Этим термином обозначались станции почтовой службы, каждые две тысячи обязаны были содержать один ям. Чиновники обязаны были на этих станциях предъявлять «пайцзы» — особые таблички, позволяющие им менять лошадей, получать питание.

После завоевания Средней Азии у монголов появился институт баскачества, «баскаки» — сборщики дани. Дань представляла собой ежегодный налог с завоеванных территорий и состояла из следующих видов: «тамга» — денежный налог, который платили купцы и ремесленники; «копчур» — налог скотом, который платили кочевники и скотоводы; «калан» — налог с земледельцев в виде пошлин [13].

С развитием Монгольской империи появилось множество новых титулов: «гун» — титул обозначающий знатность (имеет китайское происхождение); «демичи (демечи, демчи)» — обозначает староста, старшина, термин монгольского происхождения, который восприняли позже алтайцы, тувинцы; «джинонг» — у монголов этот титул обозначал принцев крови из рода Чингисидов; «табун (табунанг)» — титул, который присваивался зятям владетельных монгольских ханов; «хунтайджи (хунтайчжи, контайша)» — «хан тайджей», титул правителей Джунгарского ханства и некоторых других монгольских территорий.

Г. Е. Марков пишет: «Хубилай-хан ввел новое административное деление. Все области, находившиеся под властью монголов, разделил на уделы (аймаки), управлявшиеся наследственными предводителями. При этом аймаки могли быть сотенными и тысячными. Структура общественной организации того времени выглядела следующим образом: 1) малое семейство (бага эругэ); 2) 25 малых семейств составляли одно большое семейство (йэкэ эругэ); 3) 25 больших семейств составляли «ведение даруги»; 4) 2 участка (ими ведали даруги) составляли сотенный аймак; 5) 10 сотенных аймаков входили в тысячный аймак; 6) 10 тысячных аймаков составляли оток, а 10 отоков — «моджи». В XVI–XVII вв. группы семей объединялись в кочевые общины, которые назывались хотонами и представляли собой самые мелкие племенные подразделения» [15]. Как видим, Хубилай-хан ввел новые административные единицы — аймаки, отоки, хотоны, которые распространились и у бурятских племен.

Таким образом, мы приходим к выводу, что общественно-политическая терминология у монголов и бурят сформировавшаяся с древнейших времен и в период существования Монгольской империи довольно ярко отражает политическую культуру монгольских народов, которая является частью их общей культуры. Данная терминология служит также отражением всей кочевой цивилизации в целом, созданной монгольскими народами.

Литература

1. Хангалов М. Н. Общественные охоты у северных бурят. Зэгэтэ-аба. Собрание сочинений. Т. 1. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. — С. 55.
2. Там же. С.61–62.
3. Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. — Москва: Экспресс, 1992. — С. 93–94.
4. Мухаметов Ф. Ф. Социально-политическая борьба в монгольском обществе и на Руси (конец XII–XIV вв.). — Челябинск, 2000. — С. 68.
5. Дугин А. Г. Чингис-хан и монголосфера. Послесловие к книге Эренжена Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие». — Москва, 1997.— С. 283.
6. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. — Москва: Изд-во АСТ, 2004. — С. 114–115.
7. Ванчикова Ц. П. К вопросу о возникновении культа Чингис-хана: по материалам «Белой истории» // Ученые записки ЗабГГПУ, 2013. — № 2 (49). — С. 112.
8. Намсрайн Ням-Осор. Кочевая цивилизация монголов: от традиций к писаному праву. — Улан-Батор, 2001. — С. 66.
9. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. — Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997. — С. 23.
10. Pelliot P. Notes sur le “Turkestan”, p. 44–45. Цит. по Мэн-да бэй-лу. Комментарий. — С. 153.
11. Ванчикова Ц. П. Чаган тэукэ – «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII–XIV вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Улан-Удэ, 2001. — 46 с.
12. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997. — С.107.
13. Дугин А. Г. Чингис-хан и монголосфера. Послесловие к книге Эренжена Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие». — Москва, 1997.— С. 283.
14. Терминологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/6171340/> (дата обращения: 26.02.2018).
15. Марков Г. Е. Кочевники Азии. — Москва: МГУ, 1978. — С. 53.

References

1. Khangalov M. N. Obshchestvennye okhoty u severnykh buryat. Zegete-aba. Sbranie sochinenii. T. 1. — Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1958. — S. 55.
2. Tam zhe. S.61–62.
3. Gumilev L. N. Ot Rusi k Rossii: ocherki etnicheskoi istorii. — Moskva: Ekopros, 1992. — S. 93–94.
4. Mukhametov F. F. Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v mongol'skom obshchestve i na Rusi (konets KhII–KhIV vv.). — Chelyabinsk, 2000. — S. 68.
5. Dugin A. G. Chingis-khan i mongolosfera. Posleslovie k knige Erenzhena Khara-Davana «Chingiskhan kak polkovodets i ego nasledie». — Moskva, 1997.— S. 283.
6. Khrapachevskii R. P. Voennaya derzhava Chingiskhana. — Moskva: Izd-vo AST, 2004. — S. 114–115.
7. Vanchikova Ts. P. K voprosu o vzniknovenii kul'ta Chingis-khana: po materialam «Beloi istorii» // Uchenye zapiski ZabGGPU, 2013. — № 2 (49). — S. 112.
8. Namsrain Nyam-Osor. Kochevaya tsivilizatsiya mongolov: ot traditsii k pisanomu pravu. —Ulan-Bator, 2001. — S. 66.
9. Vernadskii G. V. Mongoly i Rus'. — Tver': LEAN; Moskva: AGRAF, 1997. — S. 23.
10. Pelliot P. Notes sur le “Turkestan”, p. 44–45. Tsit. po Men-da bei-lu. Kommentarii. — S. 153.

-
11. Vanchikova Ts. P. Chagan teuke – «Belaya istoriya» — mongol'skii istoriko-pravovoi pamyatnik KhIII–XIV vv.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.09 / In-t mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN. — Ulan-Ude, 2001. — 46 s.
 12. Vernadskii G. V. Mongoly i Rus'. Tver': LEAN; Moskva: AGRAP, 1997. — S.107.
 13. Dugin A. G. Chingis-khan i mongolosfera. Posleslovie k knige Erenzhena Khara-Davana «Chingiskhan kak polkovodets i ego nasledie». — Moskva, 1997. — S. 283.
 14. Terminologicheskii slovar' [Elektronnyi resurs]. URL: <https://studfiles.net/preview/6171340/> (data obrashcheniya: 26.02.2018).
 15. Markov G. E. Kochevniki Azii. — Moskva: MGU, 1978. — S. 53.

TOWARDS THE FORMATION OF SOCIAL AND POLITICAL VOCABULARY OF BURYATS AND MONGOLS FROM ANCIENT TIMES UP TO THE PERIOD OF THE MONGOLIAN EMPIRE

Irina N. Shagdurova

Cand. Sci. (History), A/Prof.,
Department of Buryat History,
Buryat State University
E-mail: shagdurova_irina@mail.ru

The article consider socio-political development of the Mongolic peoples through the prism of formation of social and political vocabulary. From ancient times, the Mongolic peoples began to work out their own distinctive social and political vocabulary, which was rapidly developed during the period of the Mongol State. The vocabulary of the Mongolic peoples completely reflects all aspects of their socio-political development. It contains the terms for all aspects of social life, political and legal system, administrative and military structure. We single out the stages of the Mongol State development and note that each stage is characterized by its own social and political vocabulary. The article also highlights the borrowings from Chinese and stressed the enormous influence of China on the process of Mongolia's social and political development. Finally, we have come to the conclusion that formation of social and political vocabulary of the Mongolic peoples contributed to the development of Mongolian culture and nomadic civilization in general.

Keywords: Mongol State; Buryats; Genghis Khan's State; China.